

Преподобномученица Елисавета:

*«Я хочу работать для Бога
и в Боге для страждущего человечества»*



114 лет назад, в феврале, на Большой Ордынке в Москве открылась Марфо-Мариинская обитель милосердия. Этому событию предшествовал длительный и серьезный этап подготовки.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, основательница Обители, несколько лет занималась обустройством купленной земли с постройками, составлением Устава. Она полностью изменила свою жизнь и в феврале 1909 г. переехала жить в созданную ею обитель сестер милосердия.

О том, что значил этот шаг в ее жизни, как она видела свое служение, - рассказывают фрагменты ее писем.



— Императору Николаю II —

Москва, апрель, 1909 г.

Я хочу, чтобы вы оба и все-таки знали то, о чем я уже много раз говорила и писала: я совершенно покойна, а совершенный покой – это совершенное счастье. Мой милый Серж почитет в Бозе со многими, кого он любил, с теми, кто ушел туда к нему, а мне Господь дал прекрасную работу на этой земле. Исполню ли я ее хорошо или плохо, один Он ведает, но я буду стараться изо всех сил, и я влагаю свою руку в Его и иду, не страшась тех скорбей и нападков, которые приустроил для меня этот мир, – мало-помалу моя жизнь повернула на этот путь. Это не минутная фантазия, и никакие разочарование меня не ждет: я могу быть разочарована в самой себе, но у меня и нет никаких иллюзий, и я не воображаю, будто я не такая, как все. Я хочу работать для Бога и в Боге, для страждущего человечества, а в старости, когда мое тело уже не сможет трудиться, я надеюсь, Господь даст мне покой и молитву – о деле, мною начатом. И тогда я уйду из деятельной жизни и буду готовить себя для той, большой обители. Но пока у меня есть здоровье и силы, а кругом столько горя, и, следуя по стопам Христа-Кормчего, мы идем к страждущим – в них мы помогаем Ему.

Москва, 18 апреля 1909 г.

Люди не верят, что я сама, без какого-либо влияния извне, решилась на этот шаг; многим кажется, что я взяла неподъемный крест и либо когда-нибудь пожалею об этом и сброшу его, либо рухну под его тяжестью. Я же приняла это не как крест, *а как дорогу, полную света, которую указал мне Господь* после смерти Сержа и которая много-много лет назад забрезжила в моей душе. Не знаю, когда – кажется, мне с самого детства очень хотелось *помогать страждущим, прежде всего тем, кто страдает душой*. Желание это во мне росло, но в нашем тогдашнем положении, когда

мы должны были принимать у себя, делать визиты, устраивать приемы, ужины, балы и т.п., это не могло целиком заполнить мою жизнь – в первую очередь надо было исполнять другие обязанности. <...>

И конечно же, я недостойна той безмерной радости, какую мне дает Господь, - трудиться на этой стезе, но я буду стараться, и Он, Кто есть одна любовь, простит мои ошибки, ведь Он видит, как *Я хочу служить Ему и <тому что> Его*. В моей жизни было столько радости, в скорби – столько безграничного утешения, что я жажду хоть немного уделить другим.

Я могла бы исписать еще много страниц, но ведь на бумаге нелегко выразить все, что чувствуешь. Я жажду *благодарить, каждую минуту благодарить за то, что мне дал Господь*. Я жажду принести Ему мою ничтожную благодарность, *служба Ему и Его страждущим детям*. О, это не новое чувство, оно всегда жило во мне, Господь так милостив ко мне.

Ни одной минуты я не думаю, что совершаю подвиг – это радость, я не вижу и не чувствую скорбей по безмерной милости Божией, которую я и всегда ощущала. *Я жажду отблагодарить Его*.

Те несколько сестер, что живут у меня, хорошие девушки, очень верующие – *но ведь и все наше служение основано на вере и живет ею*.



Император Николай II

Петергоф. 30 июня 1909 г.

Но ведь это моя работа, и все первые ошибки должны лечь на мои плечи, а радости – если Бог даст, все пойдет хорошо – будем пожинать вместе. Помолись о моем деле, чтобы Господь благословил и *чтобы оно крепло и принесло пользу твоей стране*. Я не увижу этого, так как полагаю только начало, но я счастлива этим.



Император Николай II в Марфо-Мариинской обители Феодоровна

26 марта 1910 г.

Пятница под Собор Архангела Гавриила

Не смотри на мое письмо как на длинное послание-проповедь. Я считаю это моей исповедью перед тобою. Через две недели начинается моя новая жизнь, благословенная в церкви. Я как бы прощаюсь с прошлым, с его ошибками и грехами, надеясь на более высокую цель и более чистое существование. Помолись за меня, дорогой! <...> Для меня принятие обетов – это нечто еще более серьезное, чем для юной девушки замужество. *Я обручаюсь Христу и Его делу, я все, что могу, отдаю Ему и ближним, я глубже вхожу в нашу Православную Церковь и становлюсь как бы миссионером христианской веры и деятельного милосердия*. Дорогой мой, как же ч недостойна всего этого, как нужны мне благословение и молитвы!

Москва 7 апреля 1910 г.

Да поможет мне Господь быть достойной дела, которое приносит мне глубокую радость и душевный мир. Да призрит Господь на мои скромные труды, а ты, дорогой, как мой земной повелитель да получишь малую помощь в своем служении, которую я с Божией помощью постараюсь приносить, утешая твоих чад. Пожалуйста, пожалуйста, будь уверен: как бы трудно или греховно ни сложилась моя убогая земная жизнь, я твоя верная подданная, мои устремления всегда направлены к добру и к вере, даже если я спотыкаюсь на этом пути и бесконечно ошибаюсь. Серж с радостью умер за тебя и свою родину. За два дня до этого он говорил, с какой готовностью пролил бы свою кровь, если бы мог этим помочь. Надеюсь, Господь даст мне силы, чтобы никто не смог сказать, что я оказалась недостойной водительства такого истинно благородного мужа и настоящего христианина.

Москва
2 ноября 2010 г.

Поминай иногда на молитве маленькую сестринскую общину, чья единственная цель в жизни – любить и служить Богу и ближним, из которых ты, конечно же, первый, ибо мы должны взирать на тебя как на отца земного. Мы все молимся за тебя и твоих близких, и я верю, однажды мне выпадет счастье показать тебе мою новую жизнь... 1 января 1912 г.

Это первое в новом году письмо приносит на твой суд мою скромную работу, и пусть святые этой недели и этого месяца – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, покровители одной из первых диаконисс, святой Олимпиады, – наставят тебя, как наилучшим образом принять решение, а мне да даруют смирение, мудрость и любовь, чтобы служить нашей Православной Церкви и страждущему человечеству.



Великая княгиня Елизавета Феодоровна,
настоятельница Марфо-Мариинской обители

Ты, конечно, знаешь от Саблера все подробности: 8 голосов за нас как мы есть, и два – другого мнения. Теперь я хотела бы объяснить свою точку зрения.

Это начинание должно занять определенное место в Церкви, иначе оно так и будет неустойчиво и после моей смерти, кто знает, скорее всего, будет преобразовано в монастырь или светскую общину. Мы исходим из строго церковного основания, православного во всех частностях, и имеем благословение митрополита, который, разумеется, знает всю нашу жизнь. И ведь есть традиции «диаконалиссы по одеянию». Святейший Синод находит, что сейчас как раз подходящий момент для того, чтобы *поддержать Церковь, пошатнувшуюся в вере и быть ближе к своей пастве, как подобает добрым пастырям. Они надеются, что откроются и другие обители, подобные нашей, для этого мы должны быть утверждены как диаконалиссы.*

Январь 1912 г.

Видишь ли, мы просили о присвоении имени диаконалиссы, что по-гречески означает «служительницы», то есть служительницы Церкви, чтобы сделать



Император Николай II
и императрица Александра

наше положение в стране возможно более ясным: мы – организация Православной Церкви. А в своей беседе, опубликованной в газетах, Гермоген бросил тень на нашу работу, упрекая в подражании протестантизму, тогда как мы трудимся под непосредственным руководством митрополита, в постоянном прямом контакте с епископами.

В нашу обитель приезжали старцы из самых разных и очень строгих монастырей и пустыней, и мы снискали их благословения и молитвы. Жаль, что Гермоген, не увидев нашей работы, так несправедливо отозвался о ней.

Теперь к замечанию о том, что мы должны быть исключительно «рукоположенными диаконалиссами», что также не было обязательным в раннехристианской Церкви – существовали «посвященные» сестры «по одеянию», они как раз были живым *trait d'union*

(связующее звено) между Церковью и народом, это именно то, что сейчас так НУЖНО.

И ты видишь, Святейший Синод почти единогласно поддержал нашу просьбу, это установление сочли совершенно приемлемым, в такой организации Церковь сейчас остро нуждается.

В качестве одного из аргументов Аликс сказала: «Святой Олимпиадой руководил святой Иоанн Златоуст» – но что же теперь ждать, пока появится еще одна святая Олимпиада с мудрым святым наставником?

Это было небесным посещением, но ведь *иногда Господь дает потрудиться в свою честь и для Своей Церкви людям простым, вовсе не значительным, и труд их бывает безуспешен – молитвами Его служителей и паломников, которые получают успокоение, и страждущих, которые находят утешение, – разве я не права, дорогой мой?!*

Вот простая женщина, которая не мнит о себе высоко, а имеет большое усердие и любовь к Церкви: она начинает работать и находит мудрых руководителей. Пусть мы можем сделать не так уж много доброго, но по-моему Церковь должна поддержать нас, не бросать, и, к счастью, в основном так и есть.



Император Николай II

Помолись за нас еще, дорогой, чтобы мы могли приносить пользу твоей Церкви и утешение страждущим, ибо это и есть цель нашей жизни в молитве и труде. Господь да благословит тебя, да будет тебе защитником и наставником.

Телеграмма от 22 июля 1914 г.

Прошу тебя, благослови меня устроить комитет помощи семьям твоих храбрых воинов. Цель моей обители – утешить скорбящих и помогать нуждающимся. Надеюсь таким образом принести лепту нашей дорогой родине.

Телеграмма от 8 сентября 1914 г.

Не нахожу слов выразить, как глубока я тронута, по твоему повелению Алекс передала мне, чтобы я здесь особо взяла под свое покровительство всех твоих раненых солдат. *Да наставит меня Господь принести какую-то пользу этим мужественным страдальцам и всем тем, кто с таким рвением стремится подать телесное и душевное утешение.*

— Великой княжне Ольге Николаевне —

Москва, 20 сентября 1909 г.

Мои сестры умеют работать, и мы все делаем с верой. Великое назначение нашей обители и сестер – оказывать христианское милосердие именем Православной Церкви.

Декабрь 1911 г. – январь 1912 г.

Ты тоже молись о нас, дорогая, мы – счастливая хлопотливая семья, трудимся и трудимся, но нужны молитвы, чтобы послужить Ему, неся толику радости больным душам и сил – страдающей плоти.

— Княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой —

Лето 1908 г.

Если удастся, нынче вечером расскажу Вам о своей будущей работе, и тогда Вы поймете, что я не уйду от мира, а, напротив, полной мерой вхожу в него. Вместо того, чтобы жить во дворце, где все же есть определенный этикет, который боязно нарушить, я поселюсь ближе к миру и стану доступней.



Княгиня Зинаида Юсупов

Я буду жить не только ради тех, кто болен телом – на то есть врачи и, конечно, забота наших сестер, – прежде всего мы *стремимся принести утешение тем, кто испытывает всякого рода злострадание: бедным богатым, малым и великим, простецам и знати. Итак, моя главная цель – облегчить страдания человечества, явить ему Божественный свет, стать. Если Бог даст, маяком.*

Так что пусть не боится моя дорогая меня потерять, подруги и друзья меня не потеряют, ни душа, ни дверь моя не затворятся, и, может быть, *стараясь стать*

лучше, живя больше для других, участь молиться глубже, я сумею стать настоящей опорой. О, я так, так на это надеюсь!

*Петербург
1 октября 1908 г.*

Мы не можем принести людям ни голубого неба, ни моря, ни солнца, ни чистого воздуха, а только веру в Бога, уверенность в себе, стремление возродиться, желание, чтобы Христос покрыл нас Своим крылом, покой в Его Божественной безграничной благодати, всегда готовой прощать.



«Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Даст Бог, мои сестрицы принесут этот свет, и не надо бояться ни злословия, ни будущих ошибок, ведь, если благий Бог найдет наш труд достойным, Он его благословит, а трудимся мы для Него: «И все, что делаете, делайте, от души, как для Господа, а не для человеков». Работая для Христа, должно любить ближнего, ибо всякая душа, какую мы приведем к Нему, будет для Него радостью на небесах.

5 января 1909 г.

Моя дорога ясна и открыта – и вдруг является нечто, чего я не могу выразить, чувство, что Бог стоит передо мной и говорит мне: «За все счастье, за доброту, за все – что ты можешь Мне

дать? Я одаривал тебя с тех пор, как ты появилась на свет, Я согревал тебя солнцем любви других людей, веры, успеха. Даже в испытаниях – в том кресте, который каждый из вас должен нести, Я дал тебе в утешители святых твоей страны. Никто из живущих на земле не получил столько, сколько ты. *Зарыла ли ты в землю таланты или умножила их?» И я должна буду ответить: «Я начну трудиться, я так благодарна за все».*

Великая княгиня Елизавета Феодоровна

— А.Н. Нарышкиной —

20 января 1909 г.

Я счастлива, что Вы разделяете мое убеждение в истинности выбранного пути, – если бы Вы знали, до какой степени я чувствую себя недостойной этого безмерного счастья, ибо, когда Бог дает здоровье и возможность работать для Него, это и есть счастье.

Вы ведь достаточно меня знаете, чтобы понять, что я не считаю свою работу чем-то совершенно необыкновенным, я ведь знаю, что в жизни каждый – в своем кругу, само узком, самом низком, самом блистательном... если мы при этом и исполняем свой долг, а в душе нашей и молитвах доверяем свое существование Богу, чтобы он нас укрепил, простил нам наши слабости и наставил бы нас (направил на путь истинный).

Моя жизнь сложилась так, что с блеском в большом свете и обязанностями по отношению к нему покончено из-за моего вдовства; если бы я и попыталась играть подобную роль в политике, у меня бы ничего не получилось, я бы не смогла принести никому никакой пользы, и мне самой это не принесло бы никакого удовлетворения.

Я одинока – люди, страдающие от нищеты и испытывающие все чаще и чаще физические и моральные страдания, должны получать хотя бы немного христианской любви и милосердия – это меня всегда волновало, а теперь стало целью моей жизни. <...>

Но если я требую от других, чтобы они следовали моим убеждениям, я должна делать то же, что они, сама переживать с ними те же трудности, я должна быть сильной, чтобы их утешать, ободрять своим примером; у меня нет ни ума, ни таланта – *ничего у меня нет, кроме любви к Христу, но я слаба – истинность нашей любви ко Христу, преданность Ему мы можем выразить, утешая других людей, именно так мы отдадим Ему свою жизнь.*

— Князю Ф.Ф. Юсупову-младшему —

20 апреля 1910 г.

Мы все еще живем в тишине, лучшая счастье, — наконец мы принесли обеты, стали единое целое с обителью и чувствуем благословение Церкви. *Всякий крест становится радостью, так как радость кроется в нем самом.*



Марфо-Мариинская обитель милосердия

ююю.тот.ру

Адрес: ул. Большая Ордынка, 34

В тексте использованы исторические фотографии.

Колоризация фотографий выполнена Klimbim.